

A romantic illustration of a man and a woman in 19th-century attire. The man, on the left, has a beard and is wearing a dark blue military uniform with gold epaulettes and a red sash. The woman, on the right, has her hair styled in an updo with a tiara and is wearing a long, flowing white dress with intricate lace and a high collar. They are holding hands and looking at each other in a park-like setting with trees and a distant landscape. The text 'Дара Веин' is at the top, and '«Алая линия судьбы»' is in the center.

Дара Веин

«Алая линия судьбы»

Дара Вейн

«Алая линия судьбы»

<https://litres.ru/74199624>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Алая линия судьбы» — исторический роман о страсти, чести и борьбе за свободу. 1820 год: красавицу Аглаю Воронцову насильно выдают замуж за влиятельного и жестокого графа Загорского, чтобы спасти семью от разорения. Её сердце отдано благородному князю Всеволоду Оболенскому — и когда над страной сгущаются тучи мятежей, он рискует всем, чтобы спасти любимую. На фоне политических потрясений и смертельных интриг разворачивается история любви, которая бросает вызов власти, традициям и самой судьбе.

Содержание

Глава 1. Бал, который продал её	4
Глава 2. Долг, который платит женщина	6
Глава 3. Честь и приказ	8
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Дара Вейн

«Алая линия судьбы»

Глава 1. Бал, который продал её

1820 год. Петербург дышал роскошью и ложью. В залах дворца графа Вяземского хрусталь звенел от напряжения, а улыбки гостей были острее кинжалов. Этот бал устраивали не ради веселья — он был витриной, за которой прятали руины: долги, проигранные имения, разорённые счета.

В центре зала кружилась *Аглая Ильинична Воронцова* — не просто красавица, а живая легенда дома Воронцовых: гордая, с глазами цвета тёмного янтаря, в которых то вспыхивал огонь, то застывала ледяная тишина. Её платье из серебристого газа казалось сотканным из лунного света, но сама она чувствовала себя фарфоровой куклой, которую вот-вот выставят на торги.

У колонны, стараясь не привлекать внимания, стоял князь *Всеволод Андреевич Оболенский*. Его мундир сиял золотом, но он ненавидел этот блеск. Для него эполеты были не знаком славы, а клеймом долга. Он приехал не ради танцев, а ради неё. Ради Аглаи.

Он помнил, как год назад они стояли у ограды Летнего сада, и она говорила, что ненавидит балы, потому что на них

люди надевают маски и забывают, кто они есть. Тогда он пообещал: «Если когда-нибудь тебе станет нечем дышать среди этих огней, скажи мне. Я найду способ дать тебе воздух».

Сегодня он понял, что обещание придётся сдержать.

К Аглае подошёл *граф Кирилл Петрович Загорский* — влиятельный, жестокий, с репутацией человека, который не принимает отказов. Он что-то тихо сказал ей, и её улыбка дрогнула. Она чуть наклонила голову, будто принимая удар. Всеволод сжал кулаки так, что хрустнули костяшки.

«Я не позволю», — подумал он. Но что он мог? Его полк ждал приказа о выдвижении на юг, где уже шептались о мятежах. Его честь не позволяла украсть чужую невесту. А её судьба уже была решена.

Глава 2. Долг, который платит женщина

На следующее утро в кабинете графа Воронцова пахло старым табаком и отчаянием. Аглая стояла перед отцом, прямая, как клинок, и слушала приговор.

— Ты выйдешь за Загорского, — холодно произнёс граф, не глядя на дочь. — Он погасит долги. Он вернёт нам имя. Ты сделаешь это, потому что ты Воронцова.

Аглая почувствовала, как внутри что-то обрывается. Не от слёз — от бессилия. — Я не люблю его, — сказала она спокойно, но голос дрогнул на последнем слове.

— Любовь — роскошь для тех, у кого есть выбор, — отрезал отец. — У нас его нет.

Дверь за ним закрылась. Аглая подошла к столу, где лежала стопка писем. Одно она знала наизусть — письмо от Всеволода, написанное полгода назад: *«Иногда самое смелое, что мы можем сделать, — это просто остаться собой, даже если весь мир требует, чтобы мы стали кем-то другим»*.

Она сжала письмо в кулаке. «Остаться собой», — прошептала она. Но как остаться собой, когда тебя продают, как имение?

В тот же день по городу поползли слухи: на юге зреет мя-

теж. Офицеры шепчутся о присяге, о чести, о том, что империя трещит по швам. И среди этих слухов имя князя Оболенского звучало всё чаще: его считали человеком, который не предаст ни присягу, ни совесть.

Глава 3. Честь и приказ

Всеволод стоял перед генералом, чувствуя, как под мундиром липнет рубашка. Приказ был ясен: его полк отправляли на юг, подавлять волнения. Но в груди жгло не от предстоящей битвы, а от мысли, что он уезжает, когда Аглая нужна ему больше всего.

— Вы слышали о помолвке Воронцовой и Загорского? — спросил адъютант, подавая бумаги на подпись.

Всеволод замер. Бумага в его руке дрогнула. — Слышал, — коротко ответил он, стараясь, чтобы голос не выдал боли.

— Говорят, Загорский — человек жёсткий. Но полезный для короны. Сейчас не время для сантиментов, князь.

Всеволод поднял глаза. В них не было гнева — только холодная сталь. — Сантименты здесь ни при чём. Есть честь. И есть предательство. И я не хочу видеть, как одно выдают за другое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.